

ШАХМАТОВСКАЯ ПРОГРАММА ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ЯЗЫКА: Н.В. ПОКРОВСКИЙ О КРАСНОСЕЛЬСКИХ КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Аннотация. В статье анализируется материал ответов проф. Н.В. Покровского на вопросы первой части «Программы для собирания особенностей народных говоров», изданной Отделением русского языка и словесности Императорской академии наук и получившей неофициальное название «шахматовской», где описывается фонетика и грамматика говоров Красносельской волости Костромского уезда Костромской губернии. Подобные исследования других говоров данной губернии – Костромского Заволжья (Ф.И. Покровского, Н.Н. Соколова) и Костромской низины (Н.Н. Виноградова, С.А. Ерёмину) – по данной Программе и примерно в то же время, на рубеже XIX–XX вв., также были предприняты в русле деятельности Московской диалектологической комиссии по той же Программе, что в сравнительном плане комментируется в настоящем очерке. Статья содержит предварительные сведения о биографии и научной деятельности Н.В. Покровского и детальный разбор лингвогеографического характера его наблюдений в области гласных, согласных, особенностей ударения, именного склонения и спряжения глаголов в знакомых ему с детства красносельских говорах. В качестве вывода можно сказать, что красносельские говоры по этим чертам в основном совпадают с остальными костромскими говорами, но имеют и ряд отличий вследствие намечающейся переходности в среднерусские говоры.

Ключевые слова: Шахматовская программа, Московская диалектологическая комиссия, красносельские говоры, гласные, согласные, ударение, грамматика.

Для цитирования: Ганцовская Н.С. Шахматовская программа изучения народного языка: Н.В. Покровский о красносельских костромских говорах // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 24–31. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-24-31>

Research Article

FOLKISH LANGUAGE PROGRAMME, NAMED IN HONOUR OF ALEKSEY SHAKHMATOV: NIKOLAY POKROVSKIY ON KOSTROMA PATOIS NEAR THE VILLAGE OF KRASNOYE

Nina S. Gantsovskaya, DSc in Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Abstract. The material of the answers of Professor Nikolay Pokrovskiy to the questions of the first part of the «Programme for the Collection of Peculiarities of Folkish Vocabularies», which was published by the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences and was unofficially named after Aleksey Shakhmatov, is analysed in the article; phonetics and grammar of the patois of the district of Krasnoye village near Kostroma (Kostroma Province) are described there. Similar studies of other patois of this province – south of the Volga River (Fyodor Pokrovskiy, Nikolay Sokolov) and Kostroma lowlands (Nikolay Vinogradov, S. Yeryomin) – according to this Programme and at about the same time, at the turn of the 19th and 20th centuries, were also undertaken in the context of Moscow Dialectological Commission, which is commented on in this essay in comparative terms. The article contains preliminary information about the biography and scientific activity of Nikolay Pokrovskiy and a detailed analysis of the linguogeographical character of his observations in the field of vowels, consonants, on the peculiarities of stress (accent), declension of nouns and conjugation of verbs, which were in the patois of his small homeland, familiar to him from childhood. It can be said as a conclusion that the patois of the district of Krasnoye village basically coincide with the rest of Kostroma patois in the said features, with a number of differences emerging transitively into the Central Russian patois.

Key words: Programme in honour of Aleksey Shakhmatov, Moscow Dialectological Commission, Kostroma patois of vicinity of village of Krasnoye, vowels, consonants, stress (accent), grammar.

For citation: Gantsovskaya N.S. Folkish Language Programme, named in honour of Aleksey Shakhmatov: Nikolay Pokrovskiy on Kostroma patois near the village of Krasnoye. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 24–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-24-31>

К 300-летию юбилею Российской Академии наук

Н.В. Покровский никогда не забывал свою малую родину...

Николай Сорокин

На рубеже XIX–XX вв. развернулась интенсивная деятельность по изучению русских народных говоров по инициативе созданной акад. А.А. Шахматовым Московской диалектологической комиссии (МДК), организации академического типа, тесно связанной с аналогичным по целям и роду занятий II Отделением Императорской академии наук в Санкт-Петербурге (ОРЯС). Предварительно была разработана обширная «Программа для собирания особенностей народных говоров», изданная Отделением русского языка и словесности Императорской академии наук и получившая неофициальное название «шахматовской»¹. Первой частью этой Программы воспользовался проф. Н.В. Покровский, церковный археолог, уроженец села Подольского Красносельской волости Костромского уезда, чтобы описать говор своих земляков-красносёлов. Ответы Н.В. Покровского на вопросы Программы были напечатаны в «Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (в примечаниях к статье см. более детальные сведения о публикации учёного по этому поводу² и его краткие биографические данные³). В этот же период с аналогичными исследовательскими целями, которые ставили МДК и ОРЯС АН, но в районах Костромского Заволжья (междуречье Костромы и Унжи) полевым методом изучались говоры Буйского, Солигаличского, Чухломского уездов Костромской губернии, окающие и акающие, с элементами цоканья и без него и т. д., другим учёным родом из Костромской губернии – проф. Ф.И. Покровским⁴ [Покровский Ф.И. 1897; Покровский Ф.И. 1899], позднее акающие говоры того же региона обследовались Н.Н. Соколовым [Соколов 1917: 139–145], одним из трёх деятелей МДК (Д.Н. Ушаков, Д.Н. Дурново, Н.Н. Соколов), создавших первую научную карту классификации русских говоров «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии»⁵ [Опыт 1915].

Также в начале XX в. по шахматовской программе были исследованы говоры Костромского Приволжья (территории Костромской низины: Шунгенской, Мисковской, Андреевской и др. волостей Костромского и Буйского уездов) Н.Н. Виноградовым, членом МДК и КНОИМК (Костромского научного об-

щества по изучению местного края), уроженцем села Шунги Костромского уезда [Виноградов 1904], и активным деятелем МДК, учеником А.А. Шахматова, опытным полевиком и знатоком говоров С.А. Ерёминым [Ерёмин 1927].

Как мы ранее отмечали, «ответы на вопросы Программы Н.В. Покровского во многом совпали с наблюдениями Н.Н. Виноградова и С.А. Ерёмина, но с ощутимым отличием от них, главным образом в области безударного вокализма. И это понятно: красносельские говоры, генетически окающие, находятся на крайнем западе Костромской губернии и имеют многие черты среднерусских говоров» [Ганцовская 2024: 56–59].

Вначале в качестве своеобразного вступления к главной части нашего очерка обратим внимание на характеристику жителей Красноселья в очерке Н.В. Покровского, посвящённом красносельским крестьянам-ювелирам с их уникальным для русской деревни промыслом и своеобразной народно-разговорной терминологией:

«На необъятной территории нашего отечества есть один крошечный уголок, на который мы и намерены обратить наше внимание. Уголок этот находится в Костромской губернии, верстах в 35–40 вниз по течению Волги. Местность превосходная, живописная, привольная. Великий водный путь – Волга разрезывает этот уголок на две неравные части. Население довольно густое; сёла и небольшие деревушки постоянно проходят перед глазами любопытного наблюдателя. Население почти исключительно состоит из крестьян. Народ – бойкий, грамотный, весёлый и живой, свободолюбивый, с наклоном к щегольству, в исключительных случаях даже к роскоши; словом – в основных чертах характера этого населения отражаются те же самые черты, которыми отличается характер населения Среднего Поволжья вообще. Если около этого уголка описать круг с селом Красным в центре, то радиусы от центра к периферии будут около 5–7 вёрст, причём крайними крупными пунктами будут: к с[еверо]-з[ападу] – деревня Слобода, к ю[гу] – с. Сидоровское, к в[остоку] – Подольское, к с[еверу] – деревня Оферково... к с[еверо]-в[остоку] – дер. Веселово. Земледелием и вообще сельским хозяйством большинство населения занимается срав-

нительно мало, хотя и не порывает совсем связей с землёю. Главный промысел его составляют мелкие ювелирные изделия из серебра, отчасти из золота и меди. <...> Ювелирные изделия костромских кустарей идут в Петербург, Москву, Киев, Н.-Новгород, Харьков, Курск, Полтаву, в Сибирь, в Персию, на Кавказ, в Среднюю Азию, Афганистан, доходят и до Индии; серебряные образки идут также на Новый Афон. Спрос на эти изделия идёт главным образом из среды простонародья, отчасти из среднего класса городского населения» [Покровский Н.В.: 2].

Затем он знакомит читателя с терминологией красносельских ювелиров, представляющей собой неповторимый народно-разговорный жаргон этого региона: «Инструменты кустарей-ювелиров довольно просты и недороги. <...> Для большой мастерской, которая получает серебро в сыром необработанном виде, нужны: *вальс* (теперь говорят вальцы. – Н. С.) для вальсирования серебра, *пресс* для вырезки вещей, напр., крестов, *бойня* для штампования, *волока* и *ворот*, *верстаки*, *пилы* и *подпилки*, *ножницы* для резки металла, *тиски*, *плавцанки*, *стальное сверло*, *лобзик* (английская пилка), *наковальня*, *молотки*, *клещи*, *воронило*, *февка*, *стальные чеканы* разных видов, *штампы* разных форм и рисунков. <...> Главнейшая часть ювелирного производства сводится к следующим группам: *кресты* и *образки*, *цепи шейные* для *креста* и *часовые* разных форм, *брелоки* и *запонки с резьбой на шалнерах*, часто с эмалью, *вилочки* и *щипчики* для чайных сервизов, *браслеты*, *серьги*, *кольца* и *перстни*....» [Покровский Н.В.: 2–3].

И заключает свой рассказ автор такими, до сих пор актуальными словами: «Кустарно-ювелирное дело – прекрасное и многообещающее: для местного населения в нём заключается почти единственное средство к существованию; для России – это прелестная звёздочка на сером горизонте русской кустарной промышленности» [Покровский Н.В.: 3]. Первоначально цитируемый материал представлял собой фрагменты доклада Н.В. Покровского «Кустарно-ювелиры Костромской губернии», прочитанный 15 декабря 1901 г. в Императорском обществе поощрения художества в качестве отчёта о деятельности Общества в 1901 г.

По свидетельству Николая Сорокина, подготовившего новое издание этого доклада, он «был издан небольшим тиражом в 1902 г. и с тех пор никогда не переиздавался» (вплоть до настоящего издания в 2022 г.). Материалы первого издания доклада включены в отчёт о деятельности Императорского общества поощрения художеств (СПб. 1902. С. 35–40). С 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. Н.В. Сорокиным было предпринято второе издание доклада Н.В. Покровского в краеведческом альманахе «Красносельский светочъ», откуда, собственно, и ведётся цитирование в настоящем очерке [Покровский Н.В.: 2–3].

Действительно, ювелирный промысел до сих пор процветает в этом краю, а село Красное-на-Волге считается ювелирной столицей России. См. на эту тему некоторые полевые зарисовки работы ювелиров с Красного-на-Волге и окрестных сёл и деревень, где до сих пор культивируется ювелирный промысел, студентов Костромского пединститута и мои. Это воспоминание потомственного красносельского ювелира Н.В. Грустливого 1914 г. р. о том, как ювелиры начинали свою деятельность в шестилетнем возрасте, об условиях их учёбы и работы, видах инструментов и ювелирных изделий («Как я работал по ювелирному делу»), представителей известной семьи подольских ювелиров В.И. и З.Н. Метлиных о том, как и какие изделия они «роботали» («Фсю жысьн роботали в ювелирном»), А.А. Комаровой также из села Подольского о своей работе ювелира («Когда получали заготовку»), П.Н. Рыбакова из д. Маланино о видах женской и мужской работы ювелиров («Баб большинство – монтировщицы, мужская работа – штамповка»), А.С. Травкиной из с. Красного («Стала гравер по стали»), представителей старшего поколения ювелиров с яркими признаками присутствия в речи местных говоров, в том числе и в области терминологии народно-разговорного характера. Их профессиональную неофициальную речь (между собой), сочетающую территориальные особенности с социальными – профессионализмами народно-просторечного характера, заменяющими иноязычные термины – можно, бесспорно, назвать красносельским ювелирным жаргоном. Раскованную же речь современного молодого поколения красносельских ювелиров, почти без признаков местных диалектизм, но «балующихся» в неофициальном общении между собой заменой стандартных ювелирных терминов экспрессивно-стилистическими разговорными эквивалентами – слэнгом. Такова запись речи С.Н. Алешонкова в селе Красном, сделанная в 2011 г. талантливым исследователем современного красносельского ювелирного слэнга А.А. Егоровой (Тепловодской) «Гравера, монтировщики, полировщики, литейщики, заготовщики» [Ганцовская 2018: 49–57]. См. также её очерк на эту тему: «У каждой профессии есть какие-то там слэнги...» [Тепловодская 2016: 574–575].

Далее сосредоточимся на основной задаче нашего очерка – выборочном комментирующем описании ответов Н.В. Покровского на вопросы первой части шахматовской «Программы для собирания особенностей народных говоров»⁶. При этом нужно отметить удивительную осведомлённость учёного совсем иной специальности в лингвогеографических тонкостях собранного им материала и умение это лапидарным образом представить.

Представим в сокращённом виде фрагменты вопроса с ответами Н.В. Покровского (прямой

шрифт) и далее наши комментарии по этому поводу (курсив).

44. Костромская губерния, Костромской уезд, Красносельская волость.

Гласные. § 1: Оксинья и т. д. Олѣксáндро (вм. Александрь).

В русском языке слова с начальным А являются заимствованными (кроме служебной лексики). В них, как правило, в севернорусских говорах на месте А произносится О, что мы и видим в красносельских говорах.

Олѣксáндро, дитятко.

Олѣксáндро (вм. Александрь), батюшко, Иванушко. *Здесь также отражена черта севернорусских окающих говоров, но не фонетическая, а грамматическая – форма им. падежа и, возможно, вся парадигма склонения слов мужского рода с окончанием -а в им. п. в литературном языке идёт не по первому, а по второму склонению, за исключением слова дитятко. Последнее слово – древнерусский реликт как в говорах, так и в литературном языке, поскольку в древности считалось, что младенцы не имеют пола и, соответственно, не могут быть лингвистически ни мужского, ни женского рода.*

Стокан, олтарь, торелка, зобота вм. забота – это гиперизм (гиперкоррекция) оканья, как бы севернорусская черта, но чаще проявляемая в переходных говорах.

Таварищъ, манахъ, панамарь, каранъ, тварокъ, хазяинъ, Микалай. *В заимствованных, книжных и некоторых бытовых словах наблюдается тот же гиперизм, но аканья. Вид малопроезизма, возможный в говорах всех типов и просторечии.*

§ 5: укунись вм. окунись. *Здесь в начале слова наблюдаем усиление лабиализации гласного, дополнительно спровоцированное межслоговой ассимиляцией (последующим более лабиализованным, т. е. более губным, чем звук О, звуком У) – характерная черта среднерусских, например ивановских, говоров.*

Сходство с ивановскими говорами видна и в широком распространении в Красноселье предударного ёканья: бѣру, вѣду, ёрша, отвѣрнуть, вылѣтать, Стѣпанъ, где Ё появляется и на месте старого Ъ: цвѣло, хлѣбать, гнѣзда, рѣка, пѣтухъ. Для лингвогеографического сопоставления нужно отметить, что для костромских окающих говоров типичной чертой является заударное ёканье, а предударное ёканье встречается весьма редко и спорадически.

Утрата j и полное стяжение гласных в финале глаголов наст. времени характерно для среднерусских говоров: думашь, думать, дѣлашь, дѣлать, для типичных костромских севернорусских говоров центра – неполное стяжение типа думашь, делашь.

В красносельских говорах возможно произношение с вместо ц: «скажут... свѣло (вм. цвѣло, напри-

мер, рассвели светы лазоревые», яблоня рассвела), что более характерно как черта рассеянного употребления для среднерусских говоров, чем севернорусских. Это пример достаточно редкого в географическом плане, но возможного в пространстве русских диалектов разрушения аффрикаты Ц (сложного сочетания ТС).

Появление на конце глаголов 1-го спряжения [o] после мягкого согласного: неситѣ, кладитѣ, деритѣсь – достаточно частотно в среднерусских и пограничных с ними костромских севернорусских говорах.

§ 23: в Жарковской волости говорят: грезь, гулеть. *Звук А между мягкими согласными, который переходит в Е, – одна из типичных примет севернорусских говоров. Однако как фонетическое, частотное явление (типа «зеть любит взеть») оно удерживается в самых архаических говорах, чаще же лексикализуется (консервируется) в отдельных немногих словах (типичный пример – опеть).*

вм. я произносятъ иногда е, напр. свешшенник вм. священник. *Предударное еканье на месте А, которое является нормой для костромских окающих говоров, малохарактерно для красносельских, нерехтских, ивановских говоров. В этом случае типично произношение А после мягкого согласного, на письме обозначаемое буквой Я. См. следующие примеры: еица, светить вм. святить (воду), дворенин, мѣкина вм. мякина».*

Согласные. § 39: всегда говорят сварьба и усарьба. *Черта диссимиляционного характера, которую можно считать и просторечной: свойственная многим говорам независимо от диалектного членения.*

§ 46: щ произносится как шш, напр., свешшенникъ, кошшей безсмертной, прошшалыга, прошшенья просим, ешшо; однако всегда щи или шти и никогда шши; вожжа, дрожжи, сѣѣжатса, жжот. *Долгие твёрдые шипящие – характерный признак севернорусских говоров.*

Всегда: годисса, обираесса, берѣсса, попадѣсса... *Подобного типа довольно редкое явление уподобления шипящего звука свистящему в финале слова более характерно для говоров переходного среднерусского типа или близких к ним. Твёрдое произношение звука С в постпозитивной возвратной частице -ся – также признак переходных от севернорусских к среднерусским говорам.*

§ 47: говорят: сабоги, мтица, мчѣла, ослобони. *Как кажется, здесь субстратное неславянское воздействие (иноязычных языковых систем прежнего автохтонного населения), особенно в первом случае.*

§ 48: всегда скажут: дѣушка, баушка. *Здесь пропуск губно-губного звука, также и в диалектном произношении звука В (в литературном языке это губно-зубной звук), что характерно для многих севернорусских и среднерусских говоров.*

§ 50: мелче, поманеньку, шкатунка. *Здесь разные случаи диссимилиации согласных, присущие русским говорам разного типа, возможно, субстратного характера.*

§ 53: говорят... верьхъ, зерькало, церьковь... рупь... руськой. *Здесь отражены наиболее архаические явления во многих, чаще севернорусских, диалектах, доставшиеся им от древнерусского языка (сохранение мягкости Р в бывшем сочетании редуцированного звука с плавным; упрощение групп согласных на конце слова после падения редуцированных; сохранение мягкости согласного в сочетании СК после утраты редуцированного между ними в слабом положении).*

Ударение. *Здесь находим остатки многих архаических явлений севернорусского характера: ударение на окончании глаголов наст. времени 3-го л. 2-го спряжения: косйт, проклитики, или перетяжка ударения на предлог или приставку: сѡбрал, нѡ гору. Другие примеры ударений Н.В. Покровского в красносельских говорах: сѡсна, он косйтъ, спитѣ, ѣдитѣ, хотитѣ, неситѣ, кладитѣ, бѣдѣтъ, пѡзвалъ и пѡзвалѣ, сѡбралѣ, пѡгналъ, послалѣ, пряснѡй вм. прѣснѡй; въ рѣкѣ, толстѡй, сѣмнадцатѡй. Скажутъ иногда нѣбил (напр. при игрѣ въ бабки: я ещѣ нѣбилъ); всегда скажутъ пѡдъ вечеръ, пѡ кормъ, нѡ гору, нѡ сене, пѡ сено, ѹ дому; хотитѣ, спитѣ, ѣдитѣ вм. ѣдите; иди-тѣ, гребитѣ характерны для многих костромских говоров.*

В § 57 и далее конкретными примерами выборочно отмечены особенности изучаемых Н.В. Покровским говоров в области грамматики. Этот раздел невелик, но содержит немало полезных, особенно в проекции на настоящее время, сведений. Наблюдения Н.В. Покровского позволяют убедиться в том, что основные особенности именной системы склонения в красносельских говорах те же, что в основной массе окружающих говоров центра (представим наши комментарии и далее курсивом, прямым шрифтом – примеры Покровского).

§ 61: кѣ дочерѣ. *Существительные 3-го скл. (дат. п ед. ч.) имеют во многих говорах, но чаще переходных, окончания продуктивного 1-го склонения.*

§ 63: времѣ, имѣ; род. время, имя. *Существительные на -мя в севернорусском наречии утрачивают при склонении -ен и изменяются по 2-му склонению как поле, т. е. не являются «разносклоняемыми».*

§ 72: иногда говорят: молодыхъ, добрыхъ, хорошихъ и т. п. *Двусложные окончания полных прилагательных – архаическая черта ряда севернорусских говоров.*

§ 74: сѣ намъ, с вамъ вм. сѣ нами, сѣ вами. *Черта севернорусских говоров центрального типа (костромских, ярославских), а также и территориально близких к ним среднерусских окружающих говоров (ивановских, владимирских, нижегородских).*

А кѣ нами, кѣ вами изрѣдка говорят лишь носители диалектов, претендующие на «образованность».

§ 77: на однѣхъ столахъ, на однѣхъ дорогахъ, на однѣхъ избахъ. Во мн. ч. числительные один по образцу местоимений моѣ, твоѣ, своѣ, моѣхъ всех трёх родов нередко имеют одно и то же окончание тв. варианта местоименного склонения.

§ 78: моѣ, твоѣ, своѣ, моѣхъ. *См. комментарий выше: притяжательные местоимения мягкого варианта могут приобретать окончания тв. варианта, как во многих севернорусских говорах.*

§ 80: обычно говорят хлѣбѣ-отъ, каша-та, масло-то, бабы-тѣ. В муж. роде прибавляют всегда -отъ, как-то: пирог-отъ, стол-отѣ, Иван-отъ, Василей-отъ, панамарь-отъ. В женск. роде обычно -та: изба-та, в средн. о: стекло-то и т. д. *Также и ряд последующих примеров демонстрирует «изменчивость», как именует исследователь, приставки – отъ, та, то, ту..., т. е. постпозитивных частиц в зависимости от рода, числа, падежных форм, одушевленности или неодушевленности существительных. Ввиду их ценности для типологической характеристики красносельских говоров как говоров пограничья между русскими говорами севера и юга, т. е. переходных среднерусских говоров, продолжим этот довольно протяжённый ряд примеров исследователя. Во множ. ч. -тѣ – люди-тѣ, дѣбы-тѣ, берѣзы-тѣ, стѣкла-тѣ... В винит. пад. единственного ч. женск. р. у, напр. бабу-ту, корову-ту, лошадь-ту... но в муж. р. вин. п. въ одушевл. предм. -та, напр. Василья-та я видялъ... волка-та... медвѣдя-та он убиль... Приставки – отъ, та, то, ту... употребляются для точнѣйшего обозначения какого-нибудь предмета. В род. пад. скажут: у стола-та, у Ивана-та, у Порфирья-та: но: у избы-то, у лѡшеди-то, у овцы-то... у стекла-та... у ѡзера-та. В датъ. пад.: столѣ-ту, избѣ-то, стеклу-ту, сѣ Васильѣм-ту. Предложн. пад.: на столѣ-то, на избѣ-то, на ѡзере-то. Множ. ч., род. п.: столѡвъ-ту, корѡвъ-ту, озѣр-ту... В других падежахъ множъ. ч. для всѣхъ родовъ -ту.*

Как кажется, «приставка» -ту (в формах ед. и мн. ч. во многих примерах Покровского) – это фонетический вариант частицы -то в результате усиленной лабиализации о, характерной для наблюдаемых говоров. Просматривается у него в этом плане – последних примерах с постпозитивными частицами – лаконичное сравнение и с недалёкими соседними нерехтскими говорами, также тяготеющими к среднерусским окружающим говорам: «В Борисоглебской волости Нерехтского уезда прибавляют обычно -тѣ, ко всем родам, числам и падежам», что вызывает наше удивление. Но примеров на это нет.

Особенности глаголов.

§ 87: в Кинешемском уезде Костр. губ. (по соседству с красносельскими говорами) Покровский отме-

чает отсутствие чередования заднеязычных с шипящими в формах глаголов типа текошь, стерегош, токош и др., что является севернорусской чертой.

Описание Н.В. Покровским родных ему красносельских костромских говоров по первой академической программе говорит о его высоком гуманитарно-лингвистическом профессионализме и о внимании к бытовому народно-разговорному языку его возлюбленных земляков – красносельских крестьян. Только при таком условии было возможно выполнить все требования считающейся сложной и обширной шахматовской «Программы собирания сведений об особенностях русских говоров». И этим Н.В. Покровский оказал отнюдь не любительскую, а высокопрофессиональную услугу столичным исследователям диалектов времён начальной деятельности МДК. Эти наблюдения чрезвычайно важны и для современных исследований говорного разнообразия русского языка, поскольку многие характерные в типологическом плане черты диалектов уже стёрлись или значительно побледнели в употреблении.

Примечания

¹ Программы для собирания особенностей народных говоров. 1. Программа для собирания особенностей говоров северно-великорусского наречия. Санкт-Петербург: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1895. № 12. 29 с.

² См. ответы Н.В. Покровского на анкету I части шахматовской программы в: Шахматов А.А. Материалы для изучения великорусских говоров. Приложение № 44 проф. Н.В. Покровского – *Костромской губ., Костромского уезда, Красносельской волости* // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1899. № 19. С. 5–8.

³ Н.В. Покровский (1848–1917) – выдающийся историк искусства и церковный археолог, доктор церковной истории, директор Санкт-Петербургского археологического института, почётный член Костромского церковно-археологического общества и мн. других обществ. Родился в семье священника Успенской церкви с. Подольского Красносельской волости Костромского уезда. Сотрудничал с ОРЯС АН СПб. 15 декабря 1901 года в Императорском обществе поощрения художеств прочитал доклад «Кустари-ювелиры Костромской губернии». См. об этом в: Покровский Н.В. Кустари-ювелиры Костромской губернии // Отчет о деятельности Императорского общества поощрения художеств. С 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. Санкт-Петербург, 1902. С. 35–40; То же // Красносельский светочъ: Прил. к альманаху «Светочъ». 2022. № 2. С. 2–3.

⁴ Ф.И. Покровский, проф., член Императорского русского географического общества, уроженец

погоста Покровского на реке Письме Буйского уезда Костромской губернии. В примечаниях к своим очеркам, указанным в настоящей работе, он писал следующее: «*) Руководством при собирании и расположении диалектологических данных служила «Программа для собирания особенностей северновеликорусского наречия», изданная Академией наук. **) Нет, конечно, сомнения, что указанными пределами этот говор не ограничивается и, по всей вероятности, распространён также в некоторых волостях Костр. и Галич. уездов, расположенных далее упомянутых границ...» [Покровский 1896: 446].

⁵ Вот что о создании «Опыта...» пишет известный диалектолог и специалист в области теоретических проблем языкознания С.К. Пожарицкая: «Первая карта диалектного членения русского языка, созданная на серьёзной научной основе, появилась в 1915 г. Её авторы – Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков – основывались на материалах, собранных по «Программе собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка», которая была подготовлена членами созданной в 1903 г. Московской диалектологической комиссии (МДК; в её состав входили Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков, Е.Ф. Корш, впоследствии И.Г. Голанов и Р.И. Аванесов). Это была первая карта диалектного членения не только русского, но также и украинского и белорусского языков. <...> Территория говоров, названная авторами великорусской (в противоположность малорусской и белорусской), была поделена на северновеликорусское и южновеликорусское наречие и переходные или средневеликорусские говоры. К северновеликорусскому наречию были отнесены все окающие говоры – оканье тем самым было признано важнейшей различительной особенностью северновеликорусского наречия; акающие говоры поделались между южновеликорусским наречием и средневеликорусскими говорами» (см.: Пожарицкая С.К. Русская диалектология: учебник. Москва: Академический проект: Парадигма, 2005. С. 12–13).

⁶ Печатано как рукопись. Программа для собирания особенностей народных говоровъ. 1. Программа для собирания особенностей говоровъ сѣверновеликорусского нарѣчя. Изданіе Отделенія рускаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Санктпетербургъ. Типографія Императорской Академіи наукъ. Вас. Остр., 9 лин., № 12. С. 29.

Список литературы

Виноградов Н.Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1. Фонетика. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. II, 100 с.

Ганцовская Н.С. Костромские говоры центра в интерпретации проф. Н.В. Покровского: шахматовская программа исследования // Актуальные проблемы

русской диалектологии: материалы Междунар. конф. 25–27 окт. 2024 г., г. Москва. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2024. С. 56–59.

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 49–57.

Ерёмин С.А. Характеристика народных говоров по р. Костроме // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 41: Четвёртый этнографический сборник. Кострома: Изд-во КНОИМК, 1927. С. 3–15.

Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии / сост. Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. Вып. 5. Москва, 1915.

Покровский Н.В. Кустари-ювелиры Костромской губернии // Отчет о деятельности Императорского общества поощрения художеств. С 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. Санкт-Петербург, 1902. С. 35–40; То же // Красносельский светочъ: Приложение к альманаху «Светочъ». 2022. № 2. С. 2–3.

Покровский Ф.И. О народных говорах северо-западной части Костромской губ.: (Из отчёта о командировке от Императорского Русского Географического Общества в 1896 г.) // Живая старина. Санкт-Петербург: Тип. С.Н. Худякова, 1897. Вып. 3-4. С. 462–469.

Покровский Ф.И. О народном говоре Чухломского уезда Костромской губернии: (Из отчёта о командировке от Императорского Русского Географического Общества в 1898 г.) // Живая старина. Санкт-Петербург тип. С.Н. Худякова, 1899. Вып. 3. С. 346–348.

Соколов Н.Н. Акающие говоры Костромской губернии // Русский филологический вестник. 1917. Т. 77, № 3-4. С. 139–145.

Тепловодская А.А. У каждой профессии есть какие-то там слэнги... // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф., Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 574–575.

References

Eryomin S.A. *Harakteristika narodnyh govorov po r. Kostrome* [Characteristics of folk dialects along the Kostroma River]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja. Vyp. 41. Chetvyortyj etnograficheskij sbornik* [Proceedings of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Region. Vol. 41. The fourth ethnographic collection]. Kostroma, KNOIMK Publ., 1927, pp. 3-15. (In Russ.)

Gantsovskaya N.S. *Kostromskie govory centra v interpretacii prof. N.V. Pokrovskogo: shahmatovskaya programma issledovaniya* [Kostroma dialects of the center

in the interpretation of prof. N.V. Pokrovsky: Shakhmatov research program]. *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii: materialy Mezhdunar. konf. 25-27 okt. 2024 g., g. Moscow* [Actual problems of Russian dialectology: proc. Int. conf. October 25-27, 2024, Moscow]. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN Publ., 2024, pp. 56-59. (In Russ.)

Gantsovskaya N.S. *Kostromskie govory: ucheb. kompleks: v 2 t. T. 1* [Kostroma dialects: textbook complex: in 2 vols. Vol. 1]. Kostroma, Kostrom. gos. un. Publ., 2018, pp. 49-57. (In Russ.)

Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoj dialektologii [An attempt at a dialectological map of the Russian language in Europe with an appendix of an essay on Russian dialectology]. *Trudy Moskovskoj dialektologicheskoy komissii. Vyp. 5* [Proceedings of the Moscow Dialectological Commission. Issue 5]. Moscow, 1915. (In Russ.)

Pokrovskij N.V. *Kustari-yuveliry Kostromskoj gubernii* [Artisans-jewelers of the Kostroma province]. *Otchet o deyatelnosti Imperatorskogo obshchestva pooshchreniya hudozhestv. S 1 yanvary 1901 g. po 1 yanvary 1902 g. SPb., 1902* [Report on the activities of the Imperial Society for the Encouragement of the Arts. From January 1, 1901 to January 1, 1902]. St. Petersburg, 1902, pp. 35-40; Also. *Krasnosel'skij svetoch: Prilozhenie k al'manahu «Svetoch»* [Krasnoselsky svetoch. Supplement to the almanac “Svetoch”], 2022, no. 2, pp. 2-3. (In Russ.)

Pokrovskij F.I. *O narodnyh govorah severo-zapadnoj chasti Kostromskoj gubernii: (Iz otchyota o komandirovke ot Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva v 1896 g.)* [On the folk dialects of the northwestern part of Kostroma province: (From the report on the mission of the Imperial Russian Geographical Society in 1896)]. *Zhivaya starina* [Zhivaya Starina]. St. Petersburg, S.N. Khudyakov Print. House Publ., 1897, vol. 3-4. pp. 462-469. (In Russ.)

Pokrovskij F.I. *O narodnom govore Chuhlomskego uезда Kostromskoj gubernii: (Iz otchyota o komandirovke ot Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva v 1898 g.)* [On the folk dialect of Chukhloma district of Kostroma province. (From the report on the mission of the Imperial Russian Geographical Society in 1898)]. *Zhivaya starina* [Zhivaya Starina]. St. Petersburg, S.N. Khudyakov Print. House Publ., 1899, vol. 3, pp. 346-348. (In Russ.)

Sokolov N.N. *Akayushchie govory Kostromskoj gubernii* [Aka-sounding dialects of Kostroma province]. *Russkij filologicheskij vestnik* [Russian Philological Bulletin], 1917, vol. 77, no. 3-4, pp. 139-145. (In Russ.)

Тепловодская А.А. *У каждой профессии есть какие-то там слэнги...* [Every profession has some slangs...]. *Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч.*

konf., Kostroma, 7-9 noyab. 2016 g. [Gromov readings. Issue 3. Living folk word and Kostroma region: collection of materials and research. Int. scientific conf., Kostroma, November 7-9, 2016]. Kostroma, KGU Publ., 2016, pp. 574-575. (In Russ.)

Vinogradov N.N. *O narodnom govore Shungenskoj volosti Kostromskogo uezda. Ch. 1. Fonetika* [On the folk dialect of Shunga volost of the Kostroma district. Part 1.

Phonetics]. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sciences Publ., 1904. II, 100 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.11.2024; одобрена после рецензирования 01.12.2024; принята к публикации 10.01.2025.

The article was submitted 14.11.2024; approved after reviewing 01.12.2024; accepted for publication 10.01.2025.